

Современность: новые формы отчуждения.

Ахметзянова Регина Ринатовна

аспирантка

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, кафедра философии, Казань, Россия

E-mail: pagua@mail.ru

Постиндустриальная современность порождает новые формы отчуждения человека. В понимании человека в философии постструктурализма на первое место выходят несистемные, неструктурируемые явления. Ключевой категорией, определяющей человека, объявляется желание как форма проявления стремления человека к коммуникации с окружением. На место структурной упорядоченности сознания приходит его понимание как разомкнутого, хаотичного пространства желания. В постструктурализме общество и культура предстают как поле тотального проявления отношений «власть-подчинение». При этом отмечается, что власть реализует себя на всех уровнях человеческих взаимоотношений – от политики государства до конкретной коммуникативной ситуации.

Другой, не менее значимой, сферой исследования постструктурализма применительно к феномену отчуждения является проблема знаковой реальности, отношение к знаку как таковому. Дело в том, что знак в постструктурализме выступает как полная противоположность самому себе – он становится не указанием на какой-либо предмет или смысл, а, наоборот, утверждает отсутствие смысла. Знак и смысл превращаются в фикцию, симулякр (Ж. Бодрийяр), маскирующий отсутствие актуального смысла. Знак и язык становятся собственным объективно существующим пространством, не связанным более ни с человеком, ни с действительностью. В данной точке теоретических построений постструктурализма для нас открываются принципиально новые формы отчуждения человека: отчуждение в пространстве знака и отчуждение в пространстве власти.

Такие исследователи современности как М. Фуко, Ж. Бодрийяр, С. Жижек по-разному ставят и решают проблему отчуждения человека от собственной сущности.

М. Фуко считает, что современное общество насквозь пронизано отношениями власти. Власть реализуется неразрывно со знанием и организует социальное пространство по принципу «всепопнадзорности». В двух своих основных формах – дисциплинарной власти и биовласти – власть становится силой, определяющей поведение индивидов и предписывающей им конечные цели и задачи. Власть, таким образом, становится фактором самоотчуждения человека, а главное – преградой на пути познания человеком самого себя.

«Техникам подчинения» Фуко противопоставляет условия и возможности самопреобразования субъекта в «техниках себя», которые должны осуществляться в статусе «заботы о себе». Фуко говорит о насущной необходимости производить «историческую онтологию нас самих», которая заключается в постоянном самосозидании человека в его независимости от господствующих практик власти, а также работу субъекта над самим собой как свободным существом.

Значимым открытием «политической экономии знака» Бодрийяра становится то, что в современном обществе потребления происходит преобразование *вещи* в *знак*. Из этого вытекает изменение человеческого отношения, которое с этого момента абстрагируется и отменяется, потребляясь в вещи-знаке. Тем самым отчуждающая логика «овеществления» социального отношения политической экономии Маркса доводится Бодрийяром до предела – происходит не овеществление реальности, а ее «симулякризация» в знаках. В обществе потребления не только товар становится знаком, но и созидательная деятельность – труд. По мнению Бодрийяра, труд перестает быть *силой*, он становится знаком среди знаков. Теперь от человека не требуется ни

производить, ни преодолевать себя в трудовом усилии (как это было в классической этике производства), он может быть значимым в обществе только как знак в рамках общего производственного сценария. Так реализуется двойной механизм отчуждения человека. Возможность выхода за пределы «монополии кода» Бодрийяр связывает с *символическим обменом*.

С. Жижек считает, что в современном обществе становится невозможным отделить реальность от ее идеологической составляющей. Он открывает важную функцию идеологии, которая теперь не заключается в том, чтобы предложить субъекту способ ускользнуть от действительности. Она состоит в том, чтобы представить саму социальную реальность как укрытие от травматической, расколотой сущности субъекта.

В пространстве идеологического дискурса субъект, по мнению Жижека, оказывается отчужден в означающее. Реальное в нем исключается в символическое, парадоксальным образом оставляя пустоту как позитивное условие его существования. Человек замыкается в границах порочного круга, образованного желанием и законом, то есть, желанием, возникающим благодаря действию закона. Дело в том, что закон является формой непосредственного воздействия идеологии. Вследствие этого закон носит абсурдный характер: мы обязаны подчиняться ему не потому, что он полезен и справедлив, а просто потому, что это закон. Как считает Жижек, в данной тавтологии выражается порочный круг действия закона, когда единственным основанием власти закона является сам акт его провозглашения. Жижек обращается к понятию *агапэ*, жертвенной любви, чтобы показать возможность выхода субъекта за границы своего желания и, в конечном итоге, возможность преодоления собственной травматической разорванности.

Литература

1. Ж. Бодрийяр. Система вещей. / Пер. с фр. – М., 2001.
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. / Пер. с фр. – М., 2004.
3. Ж. Бодрийяр. Символический обмен и смерть. – М., 2000.
4. С. Жижек. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999.
5. С. Жижек. Хрупкий Абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие. – М.: Художественный журнал, 2003.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. – М., 1996.
7. М. Фуко. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982.// Социо-Логос: пер. с англ., нем., франц. – М.: Прогресс, 1991.
8. М. Фуко. Что такое Просвещение? / [Электронный ресурс] Режим доступа: [http // www. philosophy.edu.ru](http://www.philosophy.edu.ru)